

Будущее: взгляд из Москвы

Отзыв на книгу Г.Х. Попова «Великая альтернатива XXI века»*

ПЕРЕПЕЛКИН ЛЕВ СТАНИСЛАВОВИЧ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

E-mail: leonethnography@yandex.ru

Для того чтобы поставить рецензируемую работу в устойчивый научный контекст, необходимо изучить литературу по теме «будущее».

1. Очень мало работ посвящено исследованиям того, что такое «будущее вообще» и как оно достигается/приходит. Речь идет, конечно, не о космологии, а об исследованиях исключительно гуманитарного характера. В качестве примера можно привести книгу А.П. Назаретяна [1]. В ней автор пытается доказать (и небезуспешно) по существу увеличивающийся скачкообразный характер развития (то есть стремление к нулю между фазовыми переходами), а потому и невозможность точных предсказаний.

2. Прогностика и аналитика, основанная на линейных моделях и закономерностях. По большей части это исследовательское направление связано с международными или внутригосударственными разработками. Среди типичных примеров можно привести следующие: исследования демографических процессов [2; 3], изучение экологической составляющей мирового развития [4; 5]. Собственно говоря, эти исследования стали чуть ли не нормативными для «взгляда в будущее».

3. Работы о футурологии, в которых речь идет непосредственно о «будущем». Не который список подобных авторов приведен в рецензируемой работе на с. 186. Для понимания предложений Г.Х. Попова необходимо ознакомиться с работами следующих футурологов: И.В. Бестужева-Лады [6], Д. Белла [7],

В.Л. Иноземцева [8], Э. Тоффлера. Стоит обратить внимание на даты публикации изданий этих авторов на русском языке: это переход от одной эпохи во внутренней жизни страны к другой (грубо говоря, от Ельцина к Путину).

4. Особую роль играют тексты, связанные с протестом по отношению к отдельным формам, институтам и организациям современной жизни. Речь также идет о выделении каких-то особых перспективных социальных форм. Эта критика, и зачастую весьма обоснованная, уже по принципу отрицания указывает на возможности дальнейшего развития. Среди текстов подобного рода можно сослаться на работы следующих авторов: А. Барда, Я. Зондерквиста [10], З. Баумана [11], А. Каллиникоса [12], Дж.Ч. Капура [13], Дж. Сороса [14], А. Турена [15], М. Флорида [16], А. Этциони [17].

5. Конечно же, нельзя забывать о философском и общесоциологическом осмыслении протекающего в мире социального процесса. Как и следует ожидать, в данном разряде историографии трудно подобрать к единому знаменателю, но изучение работ по этой тематике позволяет получить некий «исследовательский адреналин», который вообще-то полезен для «драйва», то есть для чувства уверенности в занятой автором позиции. В этом отношении можно рекомендовать следующие книги: И. Валлерстайна [18], А.А. Зиновьева [19], Ф. Фукуямы [20; 21], Н. Хомского [22].

6. Наконец, есть еще группа исследований, авторы которых рискуют обозначить

* Попов Г. Х. Великая альтернатива XXI века. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2013. – 416 с.

конкретные формы существования будущих обществ, более того, рекомендовать их «к использованию».

Например, С. Б. Переслегин. Книга Г. Х. Попова но по большей части относится к **философскому** типу. Философия, пусть даже она называется материалистической, всегда устремлена в **идеальное**. А здесь и спрос особый, и критики (ничем не рискуя) могут наброситься. Вот давайте и мы «набросимся» на книгу Гавриила Харитоновича, одновременно и понимая, и критикуя ее положения.

Нет необходимости представлять читателю Гавриила Харитоновича Попова — известного экономиста и в прошлом мэра Москвы. Но, как выяснилось, мы знаем о нем далеко не все: в последние годы он взялся за перо уже как автор историософских и публицистических произведений. Рецензируемая работа — десятая по счету в серии «Мне на шею кидается век-волкодав», но если предыдущие работы были посвящены истории ушедшего века, то данная книга связана с авторскими воззрениями на будущее.

Начинается книга с краткого изложения авторских — и весьма оригинальных — **исторических и историософских воззрений**. По мнению Г. Х. Попова, вся первая половина XX в. проходила под знаком противостояния двух общественно-политических систем — капитализма и социализма (в двух вариантах — советском и нацистском). Автор полагает, что именно столкновение этих двух вариантов социализма и привели ко Второй мировой войне (с. 16). Впрочем, с этим тезисом я согласиться никак не могу, ведь хорошо известно, что именно Запад толкал Германию к войне против СССР. После окончания войны, как полагает Г. Х. Попов, на основе конвергенции западный капитализм стал трансформироваться в новый — постиндустриальный общественный строй, одна из важнейших характеристик которого — необоснованные социальные программы.

Действительно, социальный паразитизм на Западе, и это ярко выражено в США, приобрел практически необратимый характер. Сейчас уже несколько поколений живут на социальные пособия, не собираясь слезать с этой «иглы». Хорошо известен лозунг, широко пропагандируемый в Советском Союзе (конечно, на уровне идеологии): «труд наш есть дело чести, есть дело совести и подвиг славы». Большая часть

граждан работала фактически, хотя существовали и чисто формальные рабочие места. Но статья о тунеядстве в Гражданском кодексе отсутствовала.

«Социальный паразитизм» наблюдался и во Франции, об этом явлении рассказал публицисту А. Никонову один наш эмигрант [23, с. 54–62]. Вот вывод этого человека: «Так я попал в коммунизм. Я живу практически без денег. Они здесь не нужны!» [23, с. 56].

Сейчас же в связи с указанной проблемой постиндустриализм приобрел глобальную модель. Следует с вниманием отнестись к следующей мысли автора: в настоящее время постиндустриализм приобрел множество внутренних противоречий и идет формирование какой-то новой общественно-политической системы (того самого «будущего»). Читатель может сам ознакомиться с авторской аргументацией, а я же хочу к ней добавить некоторые вполне очевидные развивающиеся в мире процессы (один из них З. Бауман охарактеризовал как «дезертирство» из сферы публичной политики как элит, так и граждан). Здесь Г. Х. Попов включает **социологический аппарат своего исследования**.

Действительно, за последние десятилетия, приблизительно с начала 1990-х гг., стабильный публичный политический процесс претерпел резкие изменения. Сначала это было связано с возникновением такой новой формы политической самоорганизации, как социальные движения (например, экологические). Их конструктивной задачей было подтолкнуть органы государственной власти к решению вопросов, на которые она — власть — не желала обращать внимание. Но с начала 2000-х гг. социальные движения практически исчезли, а стала развиваться такая форма девиантной активности, как бунт. Сейчас бунтуют везде, в Европе, США, на постсоветском пространстве, в Северной Африке, на Ближнем Востоке. А это означает разрушение легитимных социальных связей, то есть тяжелый кризис наличной общественно-политической модели постиндустриализма.

Не вдаваясь в подробности описания современной кризисной ситуации, следует внимательнее отнестись к предлагаемой Г. Х. Поповым модели «Альтернативной Цивилизации». Вот некоторые авторские подходы и предложения, которые, по сути, равнозначны новым культурологии, социологии, экономике и политологии,

то есть в целом новому прогнозируемому образу жизни.

Жизнь по средствам. Это означает уменьшение уровня личного потребления, в том числе за счет «нераздувания» заработной платы и социальных программ; сокращение непроизводительных служб и видов деятельности; прекращение практики «подкупа» народных масс, особенно в период выборов; упорядочение разрывов в уровнях жизни, другими словами, «более обоснованные, ясные и понятные объяснения масштабов разрывов в доходах» (с. 125); ограничение миграции, особенно ее форм, мало связанных с развитием экономики. Предложения вполне очевидные и справедливые, но на этом пути следует соблюдать осторожность, чтобы резко не нарушить — а фактически разорвать — уже имеющийся социальный контракт между населением и элитой.

В экономической сфере — развитие негосударственных, но в то же время и не чисто частных форм. Речь идет о развитии коллективной, кооперативной, акционерной собственности. Я, однако, не могу согласиться с предложением о поголовном «разгосударствлении и приватизации в науке, образовании, здравоохранении, культуре, спорте» (с. 130). Г.Х. Попов аргументирует это положение тем, что в этом случае интеллигенция получит стимулы для творческой самоорганизации и самореализации, а в противном случае она будет накапливать протестные настроения. Кроме того, между бюджетом и участниками творческой деятельности не будет посредника в виде чиновника.

Следует напомнить, что отечественная интеллигенция настроена критически по отношению к власти уже более 200 лет, и никакая приватизация творческой сферы не изменит этого положения. Более того, институты культурного воспроизводства и развития складываются исторически, а поэтому чаще всего хорошо соответствуют ментальности граждан. Сейчас, в ходе «реформирования» Академии наук и системы образования, как мне кажется, идет процесс эрозии важнейших институтов, формирующих будущее. Впрочем, никто не мешает организовывать частные научные институты и фонды — и пусть они конкурируют и между собой, и с государственными учреждениями.

Особенно спорным в этой связи мне кажется введение обязательной платы в здравоохране-

нии и образовании. Надо сказать, что «бесплатного» в обществе практически и не существует. Плата осуществляется или непосредственно домохозяйствами, частным образом, или опосредованно, через госбюджет (который опять же формируется за счет налогов с домохозяйств). Гавриил Харитонович хорошо знает, что воспроизводство и развитие в СССР осуществлялось через фонды, которые производили перевод всего созданного «текущим» поколением в фонд заработной платы; общественные фонды потребления; общественные фонды накопления. На этой основе формировалось национальное богатство страны (и оно начало создаваться задолго до СССР). За последние несколько десятилетий были почти полностью приватизированы общественные фонды потребления и общественные фонды накопления. Это означает, что значительная часть современного и будущего национального богатства страны из нее просто вывозится — в сугубо персональных целях. А значит, вывозится будущее страны и ее жителей.

В связи с этим надо особенно осторожно относиться к проблемам приватизации «всего и вся». Советы «наших зарубежных партнеров» приватизировать все «за один доллар» имеют или утопический, или своекорыстный характер. Так, в современных российских условиях переход на частную оплату означает, что широкие слои населения будут отрезаны от образования и медицинского обслуживания, а это существенно снизит человеческий капитал России. Более того, доступность образования — одна из важнейших предпосылок демократической организации общества (ведь неграмотной толпой можно — и даже нужно — управлять авторитарными методами). Кроме того, платность образования закупорит каналы вертикальной социальной мобильности, приведет к формированию наследственной элиты и ее загниванию.

Разумное производство. Это значит, что «если изменится подход к регулированию численности населения и его потреблению, если будут установлены научно-обоснованные и цивилизованные естественные, биологические и морально-этические критерии, то именно они — а не рыночный спрос и цены — станут базой развития производства» (с. 227). До демографического баланса человечества еще далеко: как предполагается, численность человечества

стабилизируется на уровне 9–11 млрд человек, а сейчас на планете проживает чуть больше 7 млрд. Да и современная экономика не может существовать без экспансии. Действительно, построить, например, авиационный завод — дорогое удовольствие, и любой предприниматель (пусть даже в рамках коллективной формы собственности) будет стремиться выжать из него все возможное.

Судя по всему, Г.Х. Попов — сторонник объединения всего человечества в некое супергосударство (или, по крайней мере, сторонник широкого распространения по планете мирных, неконфликтных отношений). Это видно из его положения о существенном сокращении военно-промышленного комплекса: «в нем останутся разве что участки, связанные с защитой от потенциальных опасностей из космоса» (с. 227). Но ВПК, всегда и во всех странах, — источник серьезных технологических новаций (например, Интернет, ядерные технологии и т.д.). Кроме того, я принципиальный противник объединения всех земель в одно супергосударство — это и невозможно, и даже вредно (уменьшает разнообразие как один из важнейших ресурсов развития).

Впрочем, трудно поспорить с такими необходимыми чертами новой экономики, как уменьшение или даже исчезновение влияния моды на производство, принципиально новое отношение к окружающей среде, в том числе экономия ресурсов, внимательное отношение к отходам производства, охрана живой природы, меры по регулированию климата.

Новый образ жизни. Он включает новое расселение человечества по планете — расселение из зон, требующих ресурсных расходов. В обозримой перспективе этот путь весьма затруднен по ряду причин. Во-первых, это система суверенных государств, в рамках которой интенсивные трансграничные перемещения вряд ли возможны. Во-вторых, не следует забывать, что многие полезные ископаемые находятся в зонах с тяжелыми природными условиями. Но отмеченные Г.Х. Поповым тенденции в мире существуют. Например, в Японии не так давно муссировалась идея о создании в странах Южной Америки специальных поселений для японских пенсионеров: там и климат лучше, и жизнь дешевле. Кроме того, работа в зонах с тяжелыми природными условиями вахтовым методом — распространенная практика.

Автор далее пишет о необходимости «преодоления мегаполисов». Точнее говоря, «мегаполисы-столицы изживут себя и в силу тех перемен, которые связаны с обузданием бюрократической номенклатуры» (с. 231). Действительно, проблема создания новой системы расселения важна и она очень непростая. Так, среда мегаполиса весьма конфликтна по отношению к человеческой жизни. Это с одной стороны. А с другой стороны, крупные города — важнейшие места творческой деятельности и — шире — основные современные центры культуры. Разнообразие мегаполисов способствует быстрому, разностороннему и эффективному развитию детей (известно даже, что у птиц, живущих в крупных городах, головной мозг больше, чем у их сельских сородичей). На наш взгляд, оптимальным было бы следующее решение вопроса: создание условий для людей старшего возраста переселяться в малые города и сельскую местность, естественно, без потери в качестве жизни.

Уничтожение финансового капитала. По мнению Г.Х. Попова, финансовый капитал — это деньги, работающие сами на себя, то есть финансовый капитал выполняет паразитическую функцию и сам по себе провоцирует международные экономические кризисы. Я полностью согласен с этим выводом, но, не будучи экономистом, не могу профессионально оценить предложения автора о замене банков, бирж и прочих институтов финансового капитала системой сберегательных касс и обществ взаимного кредита. Мне трудно также оценить идею огосударствления финансового сектора и повышения в его деятельности институтов гражданского общества. Возможна ли денежная цивилизация без финансового капитала? Да, возможна, как показал опыт СССР и других социалистических стран.

Сокращение сферы деятельности государства и бюрократии, «раскулачивание» бюрократии. В первую очередь Г.Х. Попов говорит об «обуздании бюрократии» (с. 262), что вполне очевидно, но трудновыполнимо. Автор предлагает следующие «рецепты»: максимальное сокращение самого поля деятельности государства и бюрократии; развитие механизмов негосударственного контроля за тем, что еще осталось у государства; развитие механизмов внутреннего самоконтроля бюрократии; преобразование популистской демократии в демократию общества, в котором господствует интеллигенция

(своеобразный вариант идеи Платона о том, что власть в обществе должна принадлежать «мудрецам»). «Нужна такая демократия, где голосование интеллектуального слоя общества будет решающим...» (с. 273). В связи с этим Г.Х. Попов подробно рассматривает роль интеллигенции в обществе Альтернативной Цивилизации.

Данные предложения весьма непросты для реализации и требуют тщательного изучения. Например, какие отрасли деятельности и по каким критериям уводить из сферы государственного регулирования (а мировой опыт здесь весьма разнообразен)? Если система образования, науки и культуры будет приватизирована, не приведет ли это к образованию особого сословия (касты) «меритократов»? Какие формы может принять негосударственный контроль за государством? Вопросы очевидны, но вот ответы на них пока весьма туманны.

Особое внимание автор уделяет судьбе России — это, вероятно, наиболее интересный для читателя аспект его книги. Вот вывод автора: «Очевидно: или Россия останется одной из великих держав, или она расколется на ряд стран» (с. 370). В этом отношении Г.Х. Попов примыкает к мейнстриму актуальной отечественной политики. Позволю себе по этому поводу объемную цитату из статьи А.Г. Бакланова, заместителя председателя совета Ассоциации российских дипломатов:

«Сегодня можно говорить о появлении качественно новой раскладки сил в мире, которая пришла на смену монополярной модели, установившейся после распада СССР. Будем откровенны, решающее значение для усиления роли России имела проводимая по инициативе Владимира Путина ускоренная модернизация армии и флота — по традиции двух «самых надежных союзников» нашей страны. Новая раскладка сил характеризуется прежде всего наличием не одного, как в недавнем прошлом, а уже трех основных центров силы — США, КНР и России. Не столь важно, нужно ли называть эти три государства «супердержавами», суть не меняется: совокупность военных, экономических и других факторов выделяет эту тройку из числа других игроков» [24, с. 3].

Впрочем, высказывания обоих авторов следует несколько уточнить. Современный мир отходит от идеи национальных государств, переходя к модели разнообразных региональных

интеграционных систем: эти процессы развиваются повсеместно, они в том числе «ответственны» за современный политический кризис на Украине. Поэтому в контексте темы более уместно не понятие «великая держава», а понятие «региональная интеграция». Будущее России уже определилось в рамках Евразийского союза, и процесс его создания идет уверенными темпами.

Но вернемся к авторским идеям. Гавриил Харитонович исходит из своего видения возможных позиций России в Альтернативной Цивилизации. При этом он прекрасно понимает, что наша страна (или, это мой вариант, Евразийский союз) должна занять свою нишу, связанную со специфическими видами деятельности. При этом он совершенно правильно полагает, что это не может быть такая ниша «высокого передела», как производство и продажа оружия, и такая ниша «низкого передела», как добыча и продажа полезных ископаемых. «“Нишу” надо искать на тех главных направлениях, которые характеризуют Альтернативную Цивилизацию» (с. 373; выделено Г.Х. Поповым).

Автор считает, что теоретические науки — главное будущее России. Сразу оговорюсь, что ни одна страна или группа стран не может жить исключительно за счет теоретической науки: не все к ней пригодны, а тех, кто пригодны, надо все-таки кормить, добывая средства в других отраслях. Уверен, что и сам Г.Х. Попов понимает эту банальность, но он пишет о **специализации страны**, а не о том, что все станут учеными. При этом он полагает, что в соответствии с нашим опытом у теоретических наук у нас больше перспектив для развития, чем у наук прикладных и опытно-конструкторских разработок. Впрочем, я не совсем с этим согласен, ведь продавать «чистые» идеи ничем не лучше, чем торговать сырьем. Дело в цене идеи, но как ее определить (да и возможно ли это) — пока неизвестно.

В любом случае Гавриил Харитонович полагает, что именно в области теоретической науки мы имеем все шансы на успешную мировую конкуренцию. Вот как он аргументирует этот тезис.

1. В России есть хорошие традиции и склонность к теоретическому мышлению, в том числе и потому, что генофонд русского народа чрезвычайно разнообразен за счет ассимиляции (включения в свой состав) многих других народов.

2. В русской, российской культуре произошел сплав различных великих восточных и западных традиций, в результате чего русская культура обладает огромным ментальным потенциалом.

3. Для чисто теоретических исследований не требуется в большинстве случаев особая материальная база (впрочем, как я полагаю, сейчас ее роль все-таки велика, если судить по строительству адронного коллайдера для нужд теоретической физики).

4. Склонность если не к теоретизированию, так к абстрактным размышлениям, созерцанию заложена в русской крестьянской культуре. Ведь крестьянину просто в силу российских климатических условий значительную часть года не приходилось интенсивно работать в поле. В этих условиях формировался особый самостоятельный тип мышления (здесь идет ссылка на В. О. Ключевского), тот тип, который необходим для теоретической науки.

5. Советская эпоха тоже внесла заметный вклад в этот потенциал, ведь в условиях изоляции в СССР развивались все научные направления.

Вывод автора таков: «... у России есть все шансы стать одним из главных мировых центров теоретической науки в Новой Цивилизации XXI века. Одним из мозговых центров мира.

Именно линия на превращение России в один из центров мировой теоретической науки должна стать главной задачей России в XXI веке» (с. 384).

Конечно, автор признает, что, даже имея весьма существенные предпосылки, идти по предложенному пути будет весьма непросто, и это потребует решения определенных задач. Среди подобного рода задач он выделяет три основные: развитие самой теоретической науки; развитие сферы обеспечения теоретической науки; создание среды для теоретической науки. При этом Гавриил Харитонович признает, что за последние десятилетия Россия в этом отношении сильно деградировала, впрочем, он надеется, что наша страна не прошла еще точку невозврата.

На предложенном им пути он видит десять ошибок, заблуждений, или «бесов», как Попов их называет. Это суть... Но не моя задача пересказывать всю книгу. Если мне удалось вас заинтересовать, то вы сами возьмете ее в руки. Приятного и полезного чтения!

* * *

Итак, в рецензируемой работе присутствуют четыре или даже пять-шесть научных срезов. Как историк и философ истории Г. Х. Попов рассматривает весь XX в. в рамках противостояния капитализма и двух основных видов социализма: германского и отечественного. При этом он полагает, что к концу века в результате процессов конвергенции весь мир вступил в этап постиндустриализма в его разных региональных вариантах. Проблемы современного миропорядка и особенного будущего определяются уже кризисом постиндустриализма. Это вполне оригинальная научная позиция, ведь большинство известных мне исследователей трактуют постиндустриализм несколько иначе. Основная часть книги посвящена тому, какие пути выхода из сложившихся противоречий видит автор.

На этом исследовательском пути Г. Х. Попов из историка и философа «превращается» в социолога, культуролога, политолога и экономиста. И это «превращение» осуществлено вполне естественно и незаметно для читателя — видимо, сказывается богатый опыт Гавриила Харитоновича как ученого и мыслителя. В этой связи хочу еще раз отметить, что я не разделяю уверенность автора в возможности политического единства человечества, по крайней мере, на обозримую перспективу (впрочем, автор нигде не аргументирует свою позицию). Но предложения Г. Х. Попова могут быть реализованы в рамках региональных интеграционных систем, а процесс их создания в настоящее время набирает обороты. Еще раз перечислю основные авторские позиции.

Г. Х. Попов строит модель Альтернативной (по отношению к постиндустриализму) Цивилизации, причем в некоторых аспектах делает это весьма подробно. Как социолог, политолог и экономист он настаивает на том, что обществу будущего необходимо жить по средствам, и этого можно достичь снижением уровня личного потребления и сворачиванием социальных программ. Но сказанное относится лишь к части населения планеты, ведь во многих странах мира люди живут на 1–2 доллара в день, то есть нищенствуют. Многие говорят о необходимости разумного перераспределения ВВП планеты, а это перераспределение достигается сейчас лишь одним способом — путем международных миграций в благополучные регионы. Возможно, эта проблема будет решена в рамках региональных интеграционных схем.

Чтобы не повторяться и не утомлять читателя, я лишь перечислю те предложения Г.Х. Попова в экономической, политической и культурологической областях, которые мне кажутся в тексте наиболее важными. Это изменение форм собственности (переход преимущественно к смешанным формам), широкое развитие приватизационных процессов, отказ от финансового капитала; это дебюрократизация государства и общества при условии, что многие управленческие функции перейдут к гражданам; это возникновение разумного производства, направленного в первую очередь на удовлетворение базовых потребностей людей, производства, учитывающего экономию ресурсов и экологию, но отказавшегося от влияния потребительской моды; это, наконец, новый образ жизни, связанный в первую очередь с новым типом расселения человечества (последнее положение мне напоминает идеи Н.Г. Чернышевского). Некоторые эти позиции я критиковал, с некоторыми соглашался. Теперь ваш, читатель, черед их оценить.

Пора заканчивать этот отзыв. Я постарался выделить важные (по крайней мере, для меня) философские, исторические, социологические, культурологические и другие положения книги Гавриила Харитоновича, вынесенные им на всеобщее обсуждение. Но многое осталось за скобками — и тем сильнее будет стимул взять эту книгу в руки. Многие мои вопросы и замечания к книге (а их несколько десятков) не попали в данный текст: пусть читатель их сформулирует сам. Ведь интереснее спорить с умной книгой, чем читать банальности.

Литература

1. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. — М.: Изд-во МБА, 2013.
2. Акимов А.В. 2300 год: глобальные проблемы и Россия. — М.: ИВ РАН, 2008.
3. Капица С.П. Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знания. — М.: ИД ТОНЧУ, 2009.
4. Евтеева С.А., Перелет Р.А. (ред.). Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — М.: Прогресс, 1989.
5. Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. — М.: Эксмо, 2010.
6. Бестужев-Лада И. В. (ред.) Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. — М.: Academia, 2000.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999.
8. Иноземцев В.Л. (ред.). Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М.: Academia, 1999.
9. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 1999.
10. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004.
11. Бауман З. Текучая современность. — М.; СПб.: Питер, 2008.
12. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. — М.: Праксис, 2005.
13. Канур Дж. Ч. Наше будущее: потребление или гуманизм. — М.: ИВ РАН, 2008.
14. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество опасности. — М.: ИНФРА-М, 1999.
15. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998.
16. Флорида М. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2009.
17. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. — М.: Ладомир, 2004.
18. Валлерстайн И. После либерализма. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
19. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. — М.: Центрполиграф, 2000.
20. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. — М.: АСТ, 2004.
21. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2004.
22. Хомский Н. Государство будущего. — М.: АНФ, 2012.
23. Никонов А.П. Кризисы в истории цивилизации. Вчера, сегодня и всегда. — М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2011.
24. Бакланов А.Г. Возвращение супердержавы // Независимая газета. — 2014. — 30 апр.